

Клара Папп
(Дебречен)

ОЦЕНКИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ КНЯЗЯ РАКОЧЕГО С ЦАРЁМ ПЕТРОМ ПЕРВЫМ В ВЕНГЕРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Почти в каждой статье, занимающейся эпохой князя Ракоczego, ссылаются на русско-венгерские отношения начала XVIII века. Историки – в зависимости от изучаемых источников – показывают эти связи не только как одно возможное направление внешней политики того времени венгерской дипломатии, но и оценивают политические стремления Ференца Ракоczego или русского царского двора, пытаются определить их внешнеполитические цели.

Важное значение имело то, что в 60-ые годы прошлого века под редакцией Калмана Тали¹ вышла в свет переписка руководителей освободительной борьбы (Ракоczego, Берчени, Каройи и т.д.) и зная эти источники эпохи мог Тали определить своё мнение. Но он – иногда вопреки содержания писем – дал идеализированную картину об отношениях Петра Первого с венгерским князем.

Эпохой Ракоczego II занимался Игнац Ачади в десятитомной *Истории Венгрии*², которая появилась на тысячную годовщину обретения венграми карпатской долины. Он изучал и последствия подписанного в 1707-ом году „варшавского договора”, и реальность этого решения. Описывая поездку графа Берчени в Польшу (весной 1707-ого года) он замечает: „уже тогда было ясно, что предложение посланное Ференцу Ракочему царём было без сорёзного основания”. Анализируя дипломатические события осени 1707-ого и весны 1708-ого годов он решительно утверждает: „[...] хотя договор держал Ракочи в руках, но это не принесло ему никакой пользы”.

¹ Archivum Rákóczianum – т. 1–9, ред. К. Тали, Пешт 1873 – Будапешт 1883.

² *История Венгерской Нации*, т. VII, ред. Ш. Силади, Будапешт 1896.

Ачади представил и свои взгляды о влиянии сближения Ракочего к России и его намерения сесть на польский престол (чего сам царь требовал от него). Историк увидел в усилении нападения Австрии мстительный характер, он думал, что венский двор стремился доказать, что в Венгрии и в Трансильвании (где Ракочи тоже был выбран князём) он – хозяин положения, а князь Ракочи – только бунтовщик³.

В начале XX-ого века русские отношения Ракочего анализировал Шандор Марки⁴. В биографии Ракочего – которая была выдана в честь Калмана Тали (1910) – оценки исследователя похожи на мнение старого учителя. Он слишком узко понимал русско-венгерские отношения, говоря, что возможность русской помощи 1707-ого года была только эпизодом в дипломатии Ракочего. Поэтому он и дальше не следил в своих работах за этими отношениями.

В юбилейном сборнике посвященном памяти Ракочего (1935)⁵ Антал Балла писал статью о жизни князя. Он упомянул и мнение министра иностранных дел Австро-Венгерской монархии Дюлы Андраши, который считал „дружбу с московской великой державой чрезвычайно ошибочной для Венгрии, ведь это принесло бы на нашу шею славянскую угрозу, что стало бы более опасным чем союз с Австрией“. Работа Андраши хорошо передала атмосферу политического воздействия в понимании исторических событий. Но в юбилейном сборнике выработали другую платформу, и поэтому: Ракочи должен был ориентироваться так, чтобы укрепить своё международное положение.

В этом же году вышел в свет (1935) четвёртый том *Истории Венгрии* Балинта Хоман и Люлы Сегфию. Сегфию, как и раньше Андраши, доходил до крайности в оценке русско-венгерских отношений начала XVIII в. Он описал, что варшавские пункты при данных обстоятельствах невозможно было выполнить. Пётр Первый в его глазах был жестоким и эгоистичным представителем „Северного колосса“, а сближение с этой державой считал первым ирреальным шагом в дипломатии Ракочего: „ведь было невозможно от французского двора ожидать примирения шведского короля Карла XII-го и царя Петра Первого“. Сегфию отрицательно относился к графу Борчени: „он с самого начала событий нереально оценил надежду во Франции, а наоборот, ожидал много, почти всего от Турции, и потом от русской

³ Там же, с. 641–642.

⁴ Ш. Марки, *Ференц Ракочи II*, т. 1–3, Будапешт 1907–1910; он же, *Русско-венгерский союз 1707-ого года*, Будапешт 1901; он же, *Царь Пётр Великий и Ференц Ракочи II*, Будапешт 1913.

⁵ Юбилейный сборник на 2000 летнюю годовщину смерти Ракочи, ред. И. Лукинич, т. 1–2, Будапешт 1935, с. 149. Д. Андраши, *О венгерской конституции и о причинах сохранения государства*, Будапешт 1901–1911.

власти"⁶. По его мнению граф слишком оптимистически видел русскую помощь, и на таком основании он повлиял и на князя Ракоczego.

Анализ Сегфию хорошо передаёт политическое настроение одной части интеллигенции 30-ых годов, когда для них были важны западные отношения (Франция, а не немецкое влияние) и поэтому оценивали внешнюю политику Венгрии реальной, пока это было связано с Западом. Поэтому он резко критикует интриги Петра, и молчит о стремлениях Ракоczego остаться в мире с шведским королём, врагом Петра Первого.

После второй мировой войны первую пропагандистскую книжку добрососедских отношений выдали (1945) с помощью советско-венгерской ассоциации. Краткая статья Бельи Иллеша⁷ имеет иногда и комические стороны. Автор без всякого основания утверждает, что Ракочи, уже перед началом движения, переписывался с русским царём, что в 1703-ем году его ожидали в Кракове от царя 7000 золотых монет и 46 артиллеристов. Эти последние провожали Ракоczego до венгерской границы, но там, в первую ночь, у „Красного кабака” напали на них немцы и в боях все помощники погибли. Правдивость этого примитивного описания не подтверждал ни один источник, поэтому все исследователи не упоминали о нём.

Первым результатом научных исследований совместной работы Агнеша Р. Варкони и Бельи Кёпеци была биография Ференца Ракоczego II (1955). По мнению Агнеша Варкони не венгерский князь искал возможности союза с Петром Первым, а наоборот Пётр „как настоящий, великий государь, видел в Ракочим не бунтовщика, а признавал его равнозначным лицом, кто представляет значительную силу”⁸.

Варкони считает русско-венгерский союз максимальным достижением внешней политики освободительной борьбы, ведь по её мнению куруцы могли ожидать немаловажной военной поддержки от России.

В сборнике Исторического Института Венгерской Академии Наук (1956) Йожеф Перени суммировал свои исследования о началах дипломатических связей между Ракочим и Петром Первым⁹. Он указал, что первичной целью царя явилась не военная и дипломатическая поддержка венгерского князя. Он хотел его, как своего кандидата, заставить быть признанным на польский престол и в последствии этого положения ожидал от Ракоczego быть на стороне русских в борьбе

⁶ Б. Хоман, Д. Сегфию, *История Венгрии*, т. 4, Будапешт 1935, с. 295 и 306.

⁷ Б. Фогараш, Б. Иллеш, *Венгерско-русские исторические отношения*, Будапешт 1945, с. 27 и 30.

⁸ Б. Кёпеци, А. П. Варкони, *Ференц Ракочи II*, Будапешт 1955, с. 264–265.

⁹ Й. Перени, *Начало дипломатических связей Ференца Ракоczego II с Петром I. Венгерско-русские исторические связи*, ред. Э. Ковач, Будапешт 1956, с. 52–95.

против шведов, и занять активную посредническую роль в изменении позиции французского двора в пользу царя. Но за это время, по мнению Й. Перени „русские не хотели заключить в текст договора ни одного того элемента, что явно могло бы противопоставить их с императором”¹⁰. Перени оценил варшавский договор положительно. Но он видел, что намерением князя Ракоczego было участвовать при посредничестве Франции в примирении русских и шведских интересов, чтобы с обеими сторонами заключить выгодные для Венгрии договоры. Поэтому он писал о документе не как о конечной цели, а как о хорошем компромиссе, которым Ракочи „старался отвратить опасность возможного нападения русской империи на стороне Австрии на Венгрию”¹¹, и одновременно показал себя легитимным государем.

Статья о после царя Емельяне Украинцеве написанная Яношом Варади-Штернвергом в 1959-ом году обогащала подробностями понимание последствия договора¹². Он сообщил, что уже весной 1708-го года произошли такие события (в последствии нападения шведов Ракочи не мог быть выбранным польским королём, и французский двор не изменил своего мнения), которые ослабили значение договора. Русские офицеры, купцы, курьеры получили возможность свободно переезжать через Венгрию, возобновились торговые отношения (из России привозили меховые товары, а венгры посылали туда токайское вино) и Ракочи по прежнему пытался влиять при помощи своих послов на Францию. Медиацию России в переговорах венского двора и Ракоczego Венгрия приняла с одобрением, хотя Ракочи и ведущие силы освободительной борьбы на изменили своих прежних требований в связи с Габсбургами.

Агнеш Р. Варкони и Бела Кёпеци в трёхсотлетнюю годовщину рождения Ракоczego переработали свою-написанную в 50-ые годы – книгу. Варкони уже могла написать, что не только Ракочи был кандидатом царя Петра Первого на польский престол, но в его лице мог царь завоевать доверие так называемой „французской партии” в Польше. По её анализу выяснилось, что именно французская дипломатия приняла враждебно – особенно после решения стать польским королём – дипломатический шаг венгерского князя: „Князь Ракочи до сих пор не мог принять такое решение, которое имело бы последствия опаснее того, чем одобрить предложение царя и прельститься обещаниями приобрести польскую корону”¹³.

¹⁰ Там же, с. 88.

¹¹ Там же, с. 91, Это нападение Перени считал нереальным.

¹² Я. Варади-Штернберг, *Украинцев, царский посол в Венгрии в 1708-ом году*, „Веки” 1959, с. 233–251.

¹³ Б. Кёпеци, А. П. Варкони, *Ференц Ракочи II*, Будапешт 1976, с. 290.

В переработанном заглавии о варшавском договоре исследовательница уже не даёт однозначную оценку событий, внушая, что хотя в конце 1707-ого года Ракочи должен был объясниться в шведском и польском дворах, но русские отношения означали бы для него более важную перспективу.

Трагедия венгров состоялась в том, что ухудшение венгерско-французских отношений привело Ракоczego к русской ориентации тогда, когда в глазах Петра Первого именно эта связь ценилась чрезвычайно высоко. Положение в некоторой степени улучшилось весной 1708-ого года, когда французский король Людовик XIV-ый уже был способен заключить союз с Ракочим, как выбранным в Трансильвании князём, и представителями венгерской сословности, хотя сам считал союз маловажным: „[...] ведь просто невозможно снова дать им помощь”¹⁴ – как он писал к послу. А после поражения венгерской армии около Тренчен от габсбургской империи (3-го августа 1708-ого года) они окончательно отклонились от венгров, поддерживая шведские намерения (и после полтавской победы русских) и выступая против интересов царя.

А. Варкони дала в книге – опираясь на прежние исследования – не только многосторонний анализ деятельности Е. Украинцева, но и показала существенное различие намерений царя и его венского посла П. Урбиха. Пока Пётр Первый считал при переговорах важным существование трансильванского княжества во главе с Ракочим, Урбих против полученных от него приказов предложил Ракочему (как венские дипломаты) другое именование вместо Трансильвании. В 1711-ом году при переговорах с венскими кругами Ракочи не изменил своё прежнее мнение о русской поддержке: „Интервенция русских даёт нам лучшую и неизменную надежду на будущее, чем можно ожидать от обещаний генерала Палфи”¹⁵.

А. Варкони видела, что Ракочи даже после мирного договора с Габсбургами (Сатмар, 30.04.1711 г.) ожидал русскую военную помощь и только в августе, после встречи с царём заявил, что все его иллюзии рассеялись.

На лекциях научного заседания 24–26 мая 1976-ого года в Шарошпатаке многие занимались вопросами внешней политики освободительной борьбы. Бела Кёпечи в своём докладе выяснил реальный подход короля Людовика XIV-ого к венгерскому князю: „Его сиятельство далеко от позиции считать Ракоczego бунтоящиком

¹⁴ Там же, с. 313. Венгерский посол, Кёкенешди наоборот, пытался убедить Ракочи в помощи Людовика XIV-го.

¹⁵ Там же, с. 348. Генерал Палфи стоял в 1711-ом году во главе габсбургской армии и вёл переговоры с Шандором Кароий, полномочным представителем Ракоczego.

против габсбургского императора. Он законный наследник своего деда (Жорж Ракочи II). – кто явился суверенным князем Трансильвании, и был союзником Швеции и Франции. Поэтому он (французский король) имеет право быть уверенным в том, что габсбургский император незаконно захочет это княжество, и князь Ракочи борется за свои права, во главе своей свободной нации [...]”¹⁶.

Калман Бенда¹⁷ увидел в первом предложении царя (1707) „неожиданную возможность” включить венгерские интересы в европейскую политику. Но исходя из военного положения царь не мог рисковать из-за венгров отношения с Венной, чтобы прекратить возможность их сближения к Турции. По мнению Бенда даже русско-французские переговоры не могли бы противопоставить Россию с габсбургским двором. Среди выступающих Вл. А. Артамонов анализировал вопросы русско-польско-венгерского союза. На основе архивных материалов он подтвердил ирреальность ожидания венгров послать нерегулярные войска в Венгрию и обосновал свою позицию тем, что русские стремления на мирный договор между венским и венгерским сторонами препятствовали крайние требования венгров и отказ австрийских господствующих кругов. Он утверждал, что начиная с 1709-ого года русская поддержка для Венгрии стала важной. Поэтому в 1710-ом году Ракочи уже мог предложить венгерскую корону царевичу или Меншикову и шли переговоры даже о русском протекторате в Венгрии.

В 1711-ом году – вопреки сведений венгерских статей – царь отказался предоставить убежище венгерским руководителям (Ракочи, Берчени и т.д.)¹⁸. Против мнения Артамонова выступил Янош Варади-Штернберг, который цитировал письмо царя с 4.10.1711 г. своему венскому послу П. Урбиху, в котором можно было видеть благожелательность царя. В приказе Пётр I условно возобновил идею медиации между курутскими и венскими руководителями. „[...] но если император этого не желает, сам царь не требует этого”¹⁹.

На основе нашего краткого обзора можно сказать, что для анализа внешней политики русско-венгерских отношений начала XVIII-ого века желательно использовать более широкий круг архивных материалов Советского Союза, Польши, Австрии и даже Турции. Исследователь может только надеяться в том, что анализ и оценка в конце концов

¹⁶ *Европа и освободительная борьба Ракочего*, ред. К. Бенда, Будапешт 1980, с. 18.

¹⁷ К. Бенда, *Ракочи и европейские державы*, там же, с. 29.

¹⁸ Вл. А. Артамонов, *Венгрия и русско-польский союз 1707–1712*, там же, с. 50.

¹⁹ Я. Варади-Штернберг, *Дипломатические отношения царя Петра I с Ракочим после сатмарского договора*, там же с. 80–81.

освобождается от актуальных политических отношений и требований, что историки могут работать не забывая мнения князя Ракоczego, изучая и „обстоятельства, той эпохи, дух и интеллектуальность тех государей и королевских дворов, с которыми надо было вести переговоры”²⁰.

Klara Papp

OPINIA HISTORIOGRAFII WĘGIERSKIEJ
O ZWIĄZKACH KSIĘCIA RAKOCZEGO Z CAREM PIOTREM I

Artykuł jest krótkim przeglądem historiografii węgierskiej. Pokazano w nim rolę władcy węgierskiego, księcia Rakoczego, w polityce Rosji za panowania cara Piotra I. Zestawiając oceny postaci i polityki księcia Rakoczego przedstawiane w pracach historyków węgierskich, autorka wyprowadza wniosek, iż są one w dużym stopniu uzależnione od nastawienia i koniunktury politycznej, którym ulegali cytowani autorzy. Autorka artykułu zwraca uwagę na różnice w interpretacji roli Rosji Piotra I w polityce Węgier ukazywaną w pracach węgierskich publikowanych w okresie międzywojennym (dominacja Piotra, mocarstwo Rosji) w stosunku do ocen formułowanych po II wojnie światowej, nawet już w 1945 r.

²⁰ *Мемуары князя Ракоczego о венгерской войне с 1703-го года до конца (1711)*, Пешт 1872, с. 17–18.